

**ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДЕНОТАТА
ИМЕН ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ
(на материале чешского языка)**

Целью настоящей статьи является попытка выявить специфику денотата имен эмоционально-чувственного восприятия, способы его представления в языке, а также показать, как осуществляются механизмы метафорической реализации указанных номинаций.

В свете поставленного круга задач необходимо определить нашу позицию в отношении самого понятия «денотат», которое имеет несколько толкований, что усложняет рассмотрение вопроса [БЭС Языкознание 1998]. Актуальными для нашего исследования представляются следующие дефиниции данного термина:

1. множество объектов действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т. д.), которые могут именоваться данной единицей в силу ее языкового значения (экстралингвистическая функция);
2. то же, что «денотативное значение» – понятийное ядро значения, т. е. «объективный» («номинативный», «внешнеситуационный», «когнитивный», «репрезентативный», «фактический», «диктальный», «предметно-реляционный») компонент смысла, абстрагированный от стилистических, прагматических, модальных, эмоциональных, субъективных, коммуникативных и т. п. оттенков;
3. то же, что и референт – объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок, т. е. «объект, актуализированный в высказывании»;
4. элемент экстенционала, т. е. множества объектов, способных именоваться данной единицей; экстенционал в этом случае квалифицируется как класс денотатов.

Следует отметить, что в чешской лингвистике также применяются разноплановые подходы к пониманию денотата: а) реально существующий предмет, имеющий знаковое обозначение; б) предметное, когнитивное ядро значения; в) значение, конкретизированное в высказывании ([Encyklopedický slovník češtiny 2002: 106]). Я. Хоффманова выделяет «денотативное значение» в слове в противовес когнитивному, однако полагает, что как элементарную оппозицию эти типы рассматривать не стоит, поскольку границы между ними лабильны. По мнению исследователя, синонимами денотативного зна-

чения можно считать референтное, когнитивное, концептуальное значение ([Hoffmannová 1997: 126, 134]).

В нашем представлении денотат целесообразно рассматривать как объект действительности в широком смысле (т. е. это может быть явление, свойство, состояние), именующийся данной единицей (см. п. 1), однако не стоит забывать и о значимости референциальных свойств данного понятия.

Обращаясь к исследованию избранной темы, необходимо подчеркнуть, что специфика представления денотата чувств и эмоций взаимобусловлена спецификой объективирующих их абстрактных имен, их свойствами, которые, в свою очередь, влияют на характер глагольного переосмысления как способа создания языкового образа денотата. Свойства абстрактного имени, природа которого – изолирующая абстракция, заключаются, по справедливому мнению исследователей, в «мифологичности», в отсутствии независимого от языковой материи бытия – т. е. в объективации мыслительных конструктов, в глубинном ассоциативном потенциале, в наличии «отвлеченного» значения в противовес «конкретному» и т. д.

Вышеупомянутые характеристики обуславливают специфику анализа эмоций и чувств, которые воспринимаются через доступный нашему пониманию акустический образ абстрактных имен, воплощающих эти концепты.

Исследуя иноязычный материал, следует принять во внимание наличие межъязыковых лексических соответствий, что, в свою очередь, связано с лингвистическими универсалиями, порождающими единообразие языковых признаков, а также с универсальностью логико-понятийного состава языков. Хотя в литературе не раз отмечалось, что в разных языках расчленение бытия на понятия, отраженные в словах, происходит по-разному, тем не менее, общий спектр отраженного в лексике познанного или познаваемого фрагмента материального или абстрактного мира в основном совпадает во всех развитых современных языках.

Постановка обозначенной проблемы предполагает рассмотрение вопроса, касающегося общей характеристики чувств, эмоций, хотя они с трудом поддаются формальному описанию. Специфика исследования заключается в том, что денотат в материальном конкретном преломлении (как физический объект) отсутствует. Скорее, предметом анализа служит *квазиденотат*, который обладает определенной совокупностью свойств, характерных для того или иного эмоционально-чувственного феномена. Отражение этой специфики денота-

та и обуславливает особенности глагольной метафоризации, функция которой – представить денотат в языке.

Избирая ономаσιологический подход отправной базой исследования (так как мы «идем» от денотата), необходимо иметь представление о том, как описывает эмоции и чувства наука, которая прежде всего имеет предметом своего исследования онтологию эмоционально-чувственных феноменов и рассматривает их как первозданную сущность. Имея исходные данные, можно целенаправленно выстроить схему моделирования денотации (т. е. картину того, как рассматриваемые сущности объективируются в языке). Следует особо подчеркнуть, что в **психологии** отмечается сложность при определении, разграничении и классификации эмоций и чувств.

Хотя в психологической литературе эмоции и чувства зачастую отождествляются либо чувства трактуются как видовая разновидность эмоций, Е. П. Ильин, вслед за К. Изардом ([Изард 2002]), разграничил их. По его мнению, **чувство** – это устойчивое эмоциональное отношение к чему-либо; в свою очередь, **эмоция** (от лат. *emovere* – ‘возбуждать, волновать’) – переживание, душевное волнение, это рефлекторная, психо-вегетативная реакция, связанная с проявлением субъективного пристрастного отношения (в виде переживания), способствующая организации целесообразного поведения в этой ситуации [Ильин 2002: 286].

В психологии выделяют 12 свойств эмоций. Это **психологические параметры денотата**, которые, как будет показано ниже, «объясняют» языковое «поведение» имен рассматриваемой тематики:

1. **Доминантность.** Сильные эмоции способны подавлять противоположные себе эмоции.
2. **Суммация и «упрочение».** Эмоции, связанные с одним и тем же объектом, суммируются в течение жизни, что приводит к увеличению их интенсивности, упрочению чувств, в результате чего их переживание в виде эмоций становится сильнее.
3. **Адаптация.** При долгом повторении одних и тех же впечатлений происходит притупление, снижение остроты переживаний;
4. **Пластичность** (От страха можно получить удовольствие, а не только негативные переживания).
5. **«Переключаемость».** Предметом одной эмоции становится другая эмоция (мне стыдно своей радости).
6. **Универсальность.** Независимость эмоций от вида потребности и специфики деятельности, в которой они возникают.

7. **Пристрастность (субъективность).** Одна и та же причина может вызвать у разных людей разные эмоции.
8. **Заразительность.** Человек, испытывающий ту или иную эмоцию, чувство, может «передавать» их другим.
9. **Иррадиация.** Возможность распространения настроения эмоционального фона с обстоятельств, его первоначально вызвавших, на все, что человеком воспринимается.
10. **Перенос.** Чувства могут переноситься на другие объекты.
11. **Амбивалентность.** Человек может одновременно переживать положительное и отрицательное эмоциональное состояние. (любовь и грусть, любовь и ненависть).
12. **Порождение одних эмоций другими.** В действительности здесь речь идет о проявлении чувства через различные эмоции (например, чувство ревности через эмоцию гнева).

Разновидностью эмоций являются аффекты (в обособленную группу их выделять не принято), которые репрезентируют их динамику. Они суть проявления, реализации эмоций. Именно поэтому их объективация в языке дополняет картину проявления эмоционально-чувственных феноменов. Аффекты обладают определенными свойствами, основные из которых следующие:

1. **быстрое возникновение:**
Hněv – vyšlehne ze tmy
'Гнев – вспыхнул из тьмы'¹
2. **очень большая интенсивность переживания:**
Vztek mučí
'Ярость / Бешенство мучает'
3. **кратковременность:**
Jasot zanikl v řevu vlaku
'Ликование погубило в реве поезда';
4. **бурное выражение (экспрессия):**
Zoufalství v očích plá
'Отчаяние в глазах пылает';
5. **безотчетность** (человек не способен держать себя в руках);
6. **диффузность** (сильные аффекты захватывают всю личность – «гнев застилает глаза», «ярость ослепляет»).

Понимание природы эмоций и чувств при рассмотрении вопроса способов их объективации необходимо потому, что их свойства, как уже было отмечено, диктуют языку выбор средств выражения, т. е. некоторые из эмоционально-чувственных характеристик мотивиру-

---

¹ Здесь и далее в статье приводится буквальный перевод чешских эксцерпций, а не их формально-семантические эквиваленты в русском языке.

ют выбор сочетаемости и являются актуальными для языкового анализа. Следует особо отметить, что сочетаемость может быть обусловлена как объективными, так и субъективными факторами. К числу последних следует отнести: контекст, ассоциативное мышление автора, ассоциативный потенциал сравнения самой лексемы, специфику языка, семантические расширители или ограничители, стилевые особенности текста или речевой ситуации и т. д. Важно то, что, как показывает анализ сочетаемостных связей, в языке объективируются свойства, выделяемые психологией. Проиллюстрируем выдвигаемое нами положение на материале эксерпций, обратив внимание на то, как передаются свойства эмоций и чувств, их динамика. Проанализированный материал свидетельствует о том, что специфика абстрактного имени предполагает определенное взаимодействие по принципу обратной связи с характеризующими предикатами – метафоризаторами, т. е. устанавливается избирательность сочетаемостных связей. Таким образом, языку, по сути, требуется выразить то, что не выражено в психологии.

Приведем примеры, в которых отражаются некоторые из вышеупомянутых психологических параметров денотата имен эмоционально-чувственного восприятия.

Доминантность

Это свойство проявляется в подавлении всех остальных чувств и эмоций:

Hanba rozdirá srdce – ‘стыд раздирает сердце’;

Smútek zchvatil – ‘печаль / грусть охватила’;

Žal sevře – ‘скорбь / печаль сожмет’;

Úzkost hlas můj lisovala – ‘тоска / тревога / страх сжимала голос мой’;

Strach mě svírá – ‘страх меня сжимает’;

Суммация и упрочение

Nenávist se kupí ve slepém rameni potoka – ‘ненависть скапливается в глухом рукаве ручья’;

Hněv vrstvil – ‘гнев наслаивался’.

В приведенных примерах отражена динамика состояния.

Адаптация

Bolest uhýbá – ‘боль / скорбь ускользает’;

Hanba tokvá – ‘стыд таит’;

Láska tuhne – ‘любовь стынет’;

Štěstí pelichá – ‘счастье дряхлеет’.

Чувство или эмоция вступает в стадию угасания, что передается с помощью разнообразных в семантическом плане метафоризаторов.

Переключаемость

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

Nenávist z lásky šílí – ‘ненависть от любви безумствует’;
Žárlivost stavěla celé zdi zla – ‘ревность возводила стены зла’.

Одно чувство или одна эмоция порождает другие чувства, эмоции.

Пластичность

Smútek voní – ‘грусть благоухает’;

Smúla voní – ‘грусть благоухает’;

Smúla vzruší – ‘грусть волнуется’;

Strach vabí – ‘страх манит’.

От отрицательных эмоций можно получать приятные впечатления.

Таким образом, знание свойств эмоционально-чувственных феноменов – психологических параметров денотата – помогает понять соотношенность средств выражения с объективируемой сущностью, т. е. особенности метафорической репрезентации денотатов соответствующих абстрактных имен, которая направлена на представление, объективацию свойств исследуемых номинаций и, по сути, подчинена этой цели. Денотативное содержание рассматриваемых номинаций передается и обогащается через синкретическую метафору, образованную через смешение чувственных восприятий, состояний, а также путем «скрещивания» ощущений и ассоциативных образов или свойств, им присущих.

Не следует, впрочем, забывать, что «способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит, по крайней мере до некоторой степени, от лексической сетки координат, которую дает им их родной язык» [Вежицкая 1999: 505]. Однако необходимо отметить, что сосредоточенные в сфере психического мира денотаты не обладают «материальными» признаками (как конкретные / созерцаемые / видимые), поэтому не могут служить источником метафорических преобразований. Эта сфера, напротив, притягивает к себе метафоры из предметного мира, демонстрируя потребность человеческой мысли населять духовный мир привычными, обыденными, чувственно воспринимаемыми реалиями ([Скляревская 1993: 74]). Именно поэтому проблема метафоризации становится одним из главных аспектов исследования.

Рассмотрение денотата в связи с процессом метафоризации предполагает рассмотрение метафоры в рамках теории референции (в науке этот подход трактуется как «логический», который квалифицирует метафорическую сущность как взаимодействие двух величин – «фокуса» метафоры, т. е. признака, перенесенного в новое название, и «рамки» / «фильтра», т. е. признаков нового круга денотатов, включившихся в метафорический процесс). По мнению Я. Корженского, метафора образует своего рода «пространство» для нарушения потенциальной референции, а метафоризация представляет собой про-

цесс формирования «базы содержательных предпосылок» ([Kořenský 1998: 88, 90]). В последние десятилетия довольно ярко проявляется тенденция, когда под метафорой понимают взаимодействие свойств того объекта, который является референтом концептуализации, и признаков, ассоциируемых с образом той реалии, чье «имя используется при разрешении указанной проблемной понятийно-номинативной ситуации, а именно – ситуации формирования нового понятия и его вербализации» [Телия 1986: 80].

Процессы регулярной метафоризации концентрируются вокруг определенного и ограниченного круга денотатов (в пределах одного семантического поля).

Анализируя в метафорическом аспекте способы представления денотатов, «стоящих» за номинациями указанного типа, необходимо вновь подчеркнуть, что специфика абстрактных существительных, именующих эмоции и чувства, заключается в том, что за ними не просматриваются фрагменты конкретной действительности. Это объясняется предметом объективируемой ими материи. Феномены, скрытые за этой оболочкой, подвластны психическому или внутреннему восприятию (в отличие от конкретных, которые могут «постигаться» визуальным, тактильным путем). Метафора же помогает «пролить свет» на природу и поведение абстрактных имен и тем самым приблизить понимание сути глубинного слоя, скрытого за внешней оболочкой абстрактного имени. Метафоризаторы создают необходимый минимальный контекст (иногда распространенный другими членами), в котором абстрактное имя реализуется. Для нашего восприятия это – естественное применение метафоры, равно как и естественна сочетаемость абстрактного имени и метафоризатора.

Как хорошо известно, понимание самого феномена метафоры с течением длительного времени менялось, в результате чего на сегодняшний день мы имеем широкую палитру трактовок: от конкретно-чувственного до абстрактного сравнения, от стилистического приема до одной из ключевых характеристик культурного процесса. В результате определенной эволюции метафора во всех ипостасях приобрела статус своеобразной гносеологической категории, мерила познавательной деятельности, и в то же время она стала инструментом, способствующим постижению нематериальных сущностей носителями языка.

Специфика метафоричности концептуальной системы говорящих на конкретном языке (специфическая языковая картина мира), безусловно, в значительной степени связана с формальными средствами каждого языка: с возможностями образования и сочетаемости слов, а также с этимологией. Однако, поскольку эмоции и чувства предполагают своего рода синкретизм психического и телесного (психоло-

гический тезис), возможно, и в этом стоит усматривать выбор семантических сфер глагольной метафоризации. Необходимо также помнить о том, что сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны ([Лакофф 1987: 129]). Наивная картина мира конструируется на основе антропоцентрического механизма, который устанавливает аналогию между физически воспринимаемой действительностью и невидимым миром абстрактных понятий, по которой абстракции мыслятся как лица / сущности, наделенные антропоморфными свойствами. Исследователями же неоднократно отмечалось, что в основе метафоры лежит антропометрический принцип («человек – мера всех вещей») и что важнейшим источником стереотипного языкового фонда служат сегменты визуально / созерцательно (ландшафт, флора, фауна) или физиологически воспринимаемой человеком действительности (климат) ([Халикова, Хизбуллина 2000: 137]).

Приведем дополнительно некоторые примеры в качестве пояснения к вышесказанному:

<i>Radost</i>	<i>zahalí</i> – ‘окутывает’
<i>Радость</i>	<i>stouprá</i> – ‘переполняет’
	<i>spí</i> – ‘снует’

Глагол выражает разную степень воздействия этой эмоции (динамическое различие):

<i>Radost</i>	<i>vzejde</i> – ‘зародится’
<i>Радость</i>	<i>zraje</i> – ‘зреет’
	<i>vzkvetla</i> – ‘расцвела’

Глагольная сочетаемость выражает характер появления радости (интенсивность):

<i>Nenávist</i>	<i>hoří</i> – ‘горит’
<i>Ненависть</i>	<i>plá</i> – ‘пылает’
	<i>šílí</i> – ‘безумствует’
	<i>kupí se</i> – ‘скапливается’

Имя «ненависть» (которая сама по себе является очень сильным чувством) в сочетании с глаголом еще больше «обнажает» свои свойства, поскольку семантика метафоризаторов не противоречит семному содержанию слова «ненависть», т. е. в результате метафоризации усиливается воздействие содержания абстрактного понятия.

Сам механизм «приближения» абстрактных имен рассматриваемой группы к реалиям, доступным физическому восприятию, обусловлен сложной многоуровневой структурой самих эмоций и чувств. Внешние и внутренние импульсы порождают внутренние психофизические процессы, которые, в свою очередь, обнаруживают проявления

разнообразного плана. Затем весь этот комплекс подвергается когнитивной интерпретации.

Особенности представления денотата абстрактного имени в аспекте глагольной метафоризации кроются в характере **ассоциативных связей**. Здесь вряд ли уместны аксиомы, однозначные суждения, заключения универсального характера, поскольку все, что связано с психо-ментальной деятельностью человека, подразумевает много разноплановых вопросов, а также много различных вариантов объяснений и ответов. Основная роль ассоциативных связей заключается в том, что они могут раскрыть характер экспликации эмоций и чувств в языке, тем самым воспроизводя картину языковой реализации того или иного концепта.

Исследуя объективацию денотата абстрактных имен эмоционально-чувственного восприятия в ракурсе глагольной метафоризации, необходимо учитывать два фактора:

1. объективный, универсальный, обусловленный самим денотатом (качеством чувства, эмоции);
2. субъективный, национально-языковой.

Анализ нашего материала позволяет изложить некоторые наблюдения относительно характера ассоциаций, лежащих в основе метафорического переосмысления рассматриваемой группы абстрактных имен. Прежде всего, многие чувства и эмоции осмысливаются через **разные виды огненной стихии** (особенно если это сильные проявления, например имена, денотат которых имеет явно осязаемое свойство доминантности: *ненависть – nenávist, гнев – hněv, отчаяние – zoufalství*). Концептуализация в языке происходит с помощью таких глаголов, как: *vyšlehnout – вспыхнуть, hořet – гореть, planout – пылать*.

Денотат многих абстрактных имен эмоций и чувств переосмысливается через сочетаемость с глаголами, характерными для описания **мира флоры** (по крайней мере, в первичном значении). Это довольно распространенный способ представления в языке эмоционально-чувственных феноменов:

Smůla voní – ‘печаль/грусть благоухает’;

Hněv dozrává – ‘гнев созревает’;

Láska rozkvetala – ‘любовь расцвела’;

Radost zraje – ‘радость зреет’;

Smůtek voní – ‘печаль/грусть благоухает’;

Stesk voní – ‘тоска благоухает’;

Tesknice, jak voníš! – ‘тоска, как ты благоухаешь!’;

Vášeň vadne – ‘страсть увядает’.

Метафорическая сочетаемость свидетельствует и о возможном многообразии в представлении того или иного эмоционально-чувственного концепта:

<i>Radost</i>	<i>Zahalí</i> ‘окутывает’
<i>Радость</i>	<i>Stouprá</i> ‘охватывает’
	<i>spí</i> ‘сним’
	<i>zraje</i> ‘зреет’

Однако наиболее частотная группа лексем, объективирующих эмоции и чувства в языке, – это глаголы движения, указывающие на динамические векторы (параметры) объективируемого феномена, особенности его проявления (*jít* – ‘идти’, *vcházet* – ‘входить’, *odlétat* – ‘улетать’, *vrátit se* – ‘возвращаться’, *houpat se* – ‘качаться’, *tančit* – ‘танцевать’, *prchat* – ‘бежать’, *padat* – ‘падать’, *kráčet* – ‘шагать’, *bloudit* – ‘блуждать’). В указанных и подобных случаях метафора выполняет иконическую, визуальную функцию.

На фоне общих тенденций – огненная стихия, мир флоры, движение – эмоциональные концепты имеют широкую палитру динамических проявлений.

Основываясь на данных чешского языка, можно констатировать, что наиболее разнообразными и богатыми в плане метафорического осмысления являются такие концепты, как *bolest* – боль, скорбь, печаль; *láska* – любовь; *radost* – радость; *smútek* – печаль, грусть; *stesk* – тоска, грусть, *štěstí* – счастье; *strach* – страх; *úzkost* – тоска, тревога, страх; *žal* – скорбь, печаль.

Если соотнести полученные данные с классификацией эмоционально-чувственных феноменов, то наиболее задействованными из группы «чувства» оказываются: *láska* – любовь, *štěstí* – счастье; реже – *nenávisť* – ненависть. Гораздо скромнее представлена объективация чувств *ревности, зависти, гордости*.

Что касается группы «эмоции», то наиболее часто объективируется подгруппа фрустрационных эмоций: *smútek* – печаль, грусть; *žal* – скорбь, печаль; *stesk* – тоска, грусть; *bolest* – боль, скорбь, печаль. Из подгруппы «эмоций ожидания и прогноза» наиболее ярко представлена картина феномена *strach* – страх, в то время как «волнение», «тревога», «отчаяние» остаются «за кадром», т. е. имеют не такую широкую палитру языковой объективации.

Меньше всего подвергается метафорической реализации подгруппа интеллектуальных эмоций (аффективно-когнитивных комплексов): *údiv* – удивление, *zájem* – интерес, *jistota* – уверенность, а также под-

группа коммуникативных эмоций: *hanba* – стыд, *rozpraky*, *zmatek* – смятение, смущение, *vína* – вина, *opovržení* – презрение.

Наиболее частотные лексемы, участвующие в их метафорической предикации, – глаголы, обозначающие явления природы (*таять* – *tát*, *дует* – *dout*, *веять* – *vanout*), глаголы, обозначающие действия («явления»), свойственные человеку (*дремать* – *dřímat*, *спать* – *spát*, *ненавидеть* – *nenávidět*, *плакать* – *plakat*, *петь* – *zpívat*, *говорить* – *mluvit*, *лежать* – *ležet*), глаголы движения (*идти* – *jít*, *улетать* – *odlétat*, *бродить* – *bloudit*, *ходить* – *chodit* и др.), фазовые глаголы (*начинаться* – *začínat*, *кончатся* – *končit*).

Таким образом, семантические сферы динамического признака, «открывающие вакансии» для участия глаголов в метафорическом осмыслении эмоций, отличаются многообразием, а метафора служит связующим звеном между двумя денотатами и утверждением признаков денотата, который раскрывается через дифференциальные семы метафоризатора, служащие основанием для смысловых преобразований.

Глаголы конкретной семантики широкого тематического спектра – это и есть выбор языка для представления денотата рассматриваемого типа. Они служат своего рода базой для создания обязательной образности абстрактных имен и функционируют в качестве принципов моделирования ненаблюдаемого внутреннего мира. Безусловно, как и в каждом исследовании, присутствует момент субъективно-авторского восприятия той или иной сущности. Но это не выходит за пределы существующей языковой системы. Кроме того, выявление разнообразных специфических особенностей того или иного эмоционально-чувственного концепта только богаче демонстрирует возможности языка.

В заключение следует еще раз отметить, что метафорические предикаты, эксплицирующие в языке денотаты имен рассматриваемой группы – это не только мера абстрактной сущности, это сам способ существования в языке абстрактных имен анализируемой семантики. Анализ эмоционально-чувственных концептов требует выявления их свойств, которые наиболее ярко могут быть представлены через глагол. Чувственно-эмоциональные состояния имеют определенные стадии развития: они могут быть мгновенными, а могут иметь продолжительный или затяжной характер протекания, возникновения или затухания, а характер, способы протекания (динамические свойства) мотивируют выбор сочетаемости в языке. Без глагольной предикации эти имена не полностью раскрывают свою семантику. При взаимодействии с глагольным метафоризатором наименования эмо-

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

ций и чувств принимают свою законченную в содержательном плане форму, а их денотат наглядно «воплощается» в языковую действительность.

Через метафору как способ представления денотата осуществляется жизнь слов, описывающих эмоционально-чувственный мир человека.

Л и т е р а т у р а

- Арутюнова 1978 – *Арутюнова Н. Д.* Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР. Сер. Язык и литература. Том 37. 1978. № 4.
- Арутюнова 1979 – *Арутюнова Н. Д.* Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
- Арутюнова 1999 – *Арутюнова Н. Д.* Метафора в языке чувств // Язык и мир человека. М., 1999.
- Вежбицкая 1999 – *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 503–611.
- Виноградов 1974 – *Виноградов В. С.* О лексических переводческих соответствиях и межязыковых реляционных категориях // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1974. № 3.
- Глазунова 2000 – *Глазунова О. И.* Логика метафорических преобразований. СПб, 2000.
- Изард 2002 – *Изард К.* Психология эмоций. СПб, 2002.
- Ильин 2002 – *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. СПб, 2002.
- Лакофф 1987 – *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987
- Мурзин 1972 – *Мурзин Л. Н.* Образование метафор и метонимий как результат деривации предложения (к постановке вопроса) // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972.
- Скляревска 1993 – *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 1993.
- Телия 1986 – *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 79–89.
- Халикова, Хизбуллина 2000 – *Халикова Р. Х., Хизбуллина Д. И.* Метафоризация как средство языкового моделирования мира в английском и башкирском языках // От слова к тексту: Материалы докладов международной научной конференции. Ч. 3. Минск, 2000.
- Чернейко 1997 – *Чернейко Л. О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Шкапенко 2000 – *Шкапенко Т. М.* К вопросу о языковой категоризации эмоций // Исследования в области когнитивной лингвистики. Калининград, 2000.
- Hoffmannová 1997 – *Hoffmannová J.* Stylistika a... Praha, 1997. S. 124–136.
- Kořenský 1998 – *Kořenský J.* Proměny myšlení o řeči. Praha, 1998. S. 87–91.

И с т о ч н и к и

- Brousek A.* Zimní spánek. Praha, 1991.
- Orten J.* Velké stmívání. Praha, 1987.
- Štajchrt V.* Pomalý pohyb. Praha, 1998.
- Toman K.* Básně. Praha, 1997.

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

Vlček D. Předtuhy. Praha, 2002.

С л о в а р и

БЭС Языкознание – Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

Encyklopedický slovník češtiny. Praha, 2002.

Český slovník věcný a synonymický. Praha, 1977.

Slovník jazyka českého. Praha, 1952.